

полития

О.Ю.Малинова
КТО И КАК ФОРМИРУЕТ
ОФИЦИАЛЬНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ?
Анализ российских практик¹

¹ Статья подготовлена в рамках исследования, проводимого при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и АНО «Экспертный институт социальных исследований» (грант № 19-011-31148\19).

Ольга Юрьевна Малинова — доктор философских наук, профессор департамента политической науки факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», главный научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН. Для связи с автором: omalinova@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена анализу практик формирования и артикуляции официального исторического нарратива в современной России на основе трех кейсов, которые дают возможность проследить взаимодействия между различными группами, участвующими в его конструировании. Исследование тематического репертуара памятных речей позволяет увидеть в выступлениях главы государства результат коллективной работы президентской администрации. Автор показывает, что лишь в период третьего президентского срока Путина формирование инфраструктуры памяти, поддерживающей официальный нарратив о тысячелетней России, приобрело более или менее систематический характер. Столетие революций 1917 г. предоставляет интересный материал для изучения дискуссий внутри властвующей элиты. Анализ подготовки к коммеморации выявляет определенную конкуренцию мнений на этапе принятия решения и стремление администрации президента их сбалансировать. Учитывая слабую связность официального исторического нарратива, можно предположить, что данный паттерн может быть типичен для событий, интерпретация которых не сложилась и/или не подвергается секьюритизации. Стенограммы встреч президентов Путина и Медведева с «исторической общественностью» — учеными и преподавателями — дают представление о характере взаимодействия власти и академического сообщества. Их изучение указывает на то, что в последние годы складываются устойчивые практики взаимодействия государства и исторического истеблишмента в работе над официальным нарративом.

Ключевые слова: политика памяти, мнемонический актор, официальный исторический нарратив, памятные речи, коммеморация, профессиональное сообщество

Политика памяти, то есть деятельность государства и других институтов и групп, направленная на утверждение определенных представлений о коллективном прошлом, естественно, предполагает не только конкуренцию интерпретаций, но и наличие акторов, которые их отстаивают и продвигают. Собственно, взаимодействие мнемонических акторов — «политических сил, заинтересованных в специфической интерпретации прошлого»² — и определяет конфигурацию данного поля. Наиболее очевидной его характеристикой является конкуренция исторических нарративов, но не меньший интерес представляет формирование синкретических дискурсов о прошлом, вбирающих разные версии групповой памяти в качестве вариаций основной темы³.

² *Bernhard and Kubik (eds.) 2014: 4.*

³ *Rumelili 2018: 291—292.*

Теоретически в роли мнемонических акторов могут выступать и институты, и группы, и индивиды, ведь современные средства коммуникации открывают практически неограниченные возможности для публичной артикуляции «специфических интерпретаций прошлого». Но политика памяти не сводится к обмену текстами, она включает в себя и формирование социально-культурной инфраструктуры памяти об исторических фигурах и событиях (памятники, топонимы, музеи, мемориалы, выставки, книги, фильмы, публичные ритуалы и др.), и проведение памятных мероприятий (коммемораций), и разработку школьных программ по истории и литературе, а в некоторых случаях — еще и законодательное регулирование публичных высказываний о прошлом. Чтобы та или иная интерпретация прошлого стала не просто известна значимой части общества, но и была принята ею, превратилась в *миф* — упрощенный, эмоционально нагруженный нарратив, воспринимаемый как нечто самоочевидное, — требуются ресурсы, которыми располагают далеко не все мнемонические акторы. Конечно, наличие ресурсов само по себе не гарантирует культурно-символического резонанса с аудиторией. Однако их отсутствие может оказаться непреодолимым препятствием для продвижения «специфической интерпретации прошлого». Значимость ресурсного фактора побуждает исследователей политики памяти уделять особое внимание институциональным акторам, у которых есть и мотивы, и возможности для систематического продвижения собственных интерпретаций прошлого.

Фигура мнемонического актора не обойдена вниманием исследователей — можно указать на целый ряд проектов, реализующих акторно-ориентированный подход, то есть сосредоточенных на изучении мнемонических взаимодействий на национальных и международной аренах⁴. Но предметом анализа становятся главным образом взаимодействия *между* группами; практики, в результате которых формируется и сама «специфическая интерпретация», и стратегия ее продвижения внутри групп, изучены слабо. Это не случайно: внутригрупповые взаимодействия сложнее реконструировать, поскольку они в основном непубличны и редко документируются. Однако они

⁴ *Smith 2002; Bell 2003; Art 2006; Mink and Neumayer (eds.) 2013; Bernhard and Kubik (eds.) 2014; Малинова 2018a, 2018b; Миллер и Ефременко (ред.) 2019 и др.*

важны, особенно когда речь идет об институциональных акторах, чья повестка существенно влияет на конфигурацию всего поля. В российском контексте это прежде всего государство и Русская православная церковь. Несмотря на наличие работ, убедительно демонстрирующих многоголосие, если не разномыслие спикеров, представляющих оба этих института⁵, исследователи нередко рассматривают их как единое целое, рассуждая о политике власти/Кремля. При этом Церковь порой трактуется как один из акторов, выражающих официальную позицию государства, хотя большинство специалистов, изучающих РПЦ, подчеркивают самостоятельность ее мнемонической позиции (которая тоже отнюдь не монолитна)⁶.

⁵ Scherlock 2016; Laruelle 2017; Torbakov 2014; Bogumil and Lukaszewicz 2018.

⁶ Papkova 2011; Zimmerman 2018: 96.

⁷ См. также Лавин 2019 и статью Алексея Миллера в этом номере.

Настоящая статья есть результат коллективного исследовательского проекта, нацеленного на изучение ключевых акторов российской политики памяти⁷. Она посвящена анализу практик формирования и артикуляции *официального исторического нарратива* — смысловой схемы, которая описывает генеалогию макрополитического сообщества, стоящего за Российским государством, и объясняет, каким образом его прошлое определяет настоящее и будущее. В строгом смысле официальным может считаться нарратив, представленный в речах и документах, отражающих точку зрения государства. И хотя ясно, что ее выражают политики, занимающие ключевые должности во власти, на вопрос о том, кто ее формирует, ответить не так просто. Даже если формальные полномочия закреплены правовыми актами, реальный процесс выработки решений по большей части скрыт от глаз публики. Например, факт внесения законопроекта тем или иным депутатом или группой таковых не обязательно указывает на круг его действительных инициаторов (правда, результаты голосования позволяют определить его сторонников и противников). В подготовке официальных речей, с которыми выступают высшие должностные лица, как правило, участвует аппарат помощников и спичрайтеров. Процесс выбора темы и содержания выступления, равно как и авторство конкретных идей — в том числе тех, которые вызывают общественную реакцию и оказываются поворотными точками дискурса, — носят непубличный характер. Наконец, иногда решения опираются на предложения экспертов. Таким образом, хотя видимыми акторами государственной символической политики являются уполномоченные органы и должностные лица (глава государства, правительство и его министры, парламент), ее правильнее рассматривать как плод коллективной деятельности.

В этой статье я попытаюсь проанализировать практики такой коллективной деятельности, сосредоточившись на трех кейсах, которые дают возможность проследить взаимодействия между различными группами, участвующими в формировании официального нарратива в России. Изучение тематического репертуара памятных речей позволяет увидеть в выступлениях главы государства результат коллективной работы президентской администрации и выявить не только

идеологические, но и прагматические факторы, определяющие политическое использование прошлого. Столетие революций 1917 г. представляет интересный материал для анализа соперничества акторов, претендующих на артикуляцию государственной точки зрения, поскольку коммеморацию, решение о которой долго откладывалось, предваряла череда публичных заявлений должностных лиц. Наконец, стенограммы встреч президентов Владимира Путина и Дмитрия Медведева с «исторической общественностью» — учеными и преподавателями — раскрывают характер взаимодействия власти и академического истеблишмента.

**Тематический
репертуар
памятных речей
главы государства:
идеология
и прагматика**

В современном медиатизированном обществе публичные выступления составляют значимую часть работы главы государства. В их подготовке, как и в формировании рабочего графика президента, участвуют соответствующие службы администрации. Разумеется, спикер может корректировать содержание подготовленного текста, и не все говорится «по бумажке», однако интенсивный график выступлений заставляет предположить, что большая часть текстов, стенограммы которых появляются на сайте «Президент России», — продукт коллективного творчества.

Исторические темы затрагиваются во множестве выступлений и интервью. Но есть среди них и такие, для которых события и/или фигуры прошлого являются основным предметом. Это памятные (commemorative) речи, принадлежащие к особому жанру, который предполагает использование специфических риторических приемов и дискурсивных стратегий. Рут Водак и Рудольф де Чиллиа относят памятные речи, призванные «вернуть прошлое в настоящее»⁸, к классу эпидейктической риторики, основная функция которой — восхваление или порицание. Выступления подобного типа решают прежде всего представительские задачи: официальное лицо от имени государства воздает хвалу или порицание некоей группе/сообществу, соответствующим образом оценивая ее деяния и качества. Этот жанр открывает широкие возможности для актуализации прошлого, полезного не только с точки зрения текущих задач (памятные речи связаны с графиком встреч и поездок главы государства и нередко имеют дипломатические функции), но и для выстраивания долгосрочной политики идентичности.

Массив памятных речей главы государства, размещенных на официальном сайте, — ценный источник для изучения коллективной работы над официальным историческим нарративом. Эти речи можно исследовать под разными углами зрения. Нас будет интересовать структура их тематического репертуара. Поводами для памятных речей служат праздники и памятные даты, годовщины и юбилеи, открытие памятников и мемориалов и т.п. Очевидно, что выступление первого лица государства придает событию особый статус, но

⁸ Wodak and Cillia
2007: 346.

очевидно и то, что не все потенциальные поводы получают реальное воплощение. Включение памятных речей в рабочий график президента определяется не только представлениями о важности события или его полезности в качестве основания для артикуляции неких идей, но и соображениями политической и практической целесообразности. У нас нет информации о том, как принимаются такого рода решения, однако по результату мы можем судить об их логике. В рамках более или менее длительных периодов тематику памятных речей можно рассматривать как отражение меняющихся подходов президента и его администрации к работе с символическим ресурсом национального прошлого. В книге, опубликованной в 2015 г., мною был проанализирован соответствующий контент сайта «Президент России» с 2000 по 2014 г.⁹ В настоящей статье я продолжу этот анализ до конца третьего срока Путина, что позволит продемонстрировать некоторые важные изменения.

⁹ *Малинова 2015: 156—174.*

Конструирование официального исторического нарратива постсоветской России распадается на два больших периода — ельцинский и путинский. Легитимация политики 1990-х годов опиралась на нарратив о новой, демократической России, критически характеризовавший советский и отчасти досоветский этап. В 2000-х годах на смену этой конструкции пришел нарратив о тысячелетнем российском государстве, сосредоточенный на позитивных эпизодах из разных эпох, сопряженных со становлением России как великой державы. Новая конструкция оформилась к 2003 г., однако признаки изменений, связанных с переоценкой советского прошлого, появились сразу же после прихода Путина к власти¹⁰. Новый нарратив отличался фрагментарностью — соединяя «все хорошее» и избегая проработки «трудного прошлого», он вынужденно фокусировался на событиях, память о которых поддерживалась уже существовавшей социально-культурной инфраструктурой. Это заметно по тематическому репертуару памятных речей президентов Путина и Медведева. Как мы увидим, лишь в 2012—2018 гг. наметилась тенденция к содержательному насыщению смысловой схемы, выбранной еще в начале 2000-х годов.

¹⁰ *Kalinin 2011.*

¹¹ *Стал нерабочим с 2002 г.*

¹² *Учрежден изменениями в Трудовом кодексе от 24 декабря 2004 г.*

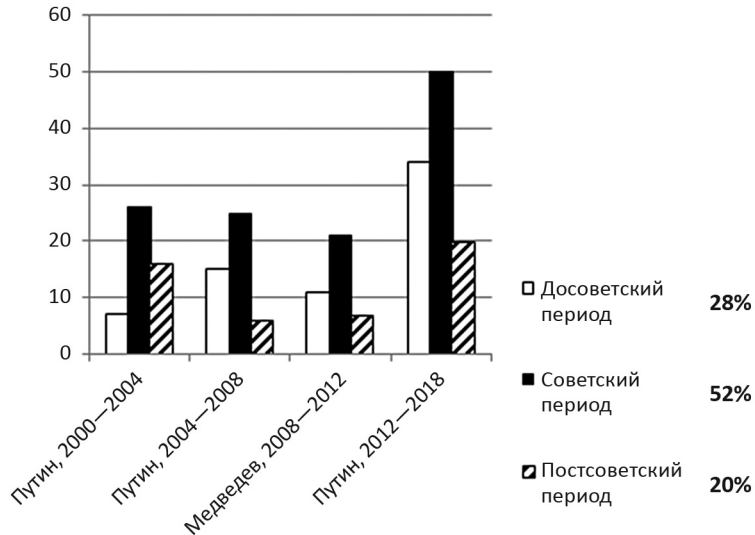
¹³ *В декабре 2004 г. изменил статус праздничного дня на памятный.*

¹⁴ *Определены Федеральным законом «О днях воинской славы и памятных датах России» от 13 марта 1995 г., в который многократно вносились поправки.*

Для анализа были отобраны выступления по случаям официально установленных праздничных нерабочих дней, связанных с историческими событиями (День защитника Отечества¹¹, День Победы, День России, День народного единства¹², День Конституции¹³), памятных дней, памятных дат и дней воинской славы России¹⁴, юбилеев исторических событий, а также на церемониях открытия памятников, музеев, мемориальных досок и т.п. Выступления, имеющие отношение к национальному прошлому, но не соответствующие жанру памятной речи (различные встречи, выступления в рамках церемоний награждения или по случаю профессиональных праздников, беседы при посещении музеев и выставок, интервью, статьи и др.), в выборку не включались.

Вплоть до третьего президентского срока Путина структура политически используемого прошлого менялась мало (см. *рис. 1*). Больше половины поводов для памятных речей было связано с советским прошлым, лишь в 2012—2018 гг. их доля сократилась до 48%.

Рисунок 1 Тематический репертуар памятных речей президентов РФ по периодам (2000—2018)

Существенная часть этого массива приходилась на выступления, посвященные Великой Отечественной / Второй мировой войне (см. *рис. 2*): в первые два срока Путина и в период президентства Медведева их доля составляла примерно треть от общего числа. В 2012—2018 гг. она снизилась до 22%, но не за счет количества, а за счет увеличения числа выступлений, затрагивавших другие периоды.

И дело здесь отнюдь не в изменении срока президентских полномочий: в течение своей третьей каденции Путин действительно чаще выступал с памятными речами (см. *рис. 3*), тем самым подкрепляя свою озабоченность состоянием «духовных скреп»¹⁵ практическими шагами.

В целом, советское прошлое является наиболее востребованным символическим ресурсом, а Великая Отечественная война — самым «используемым» событием. По-видимому, это объясняется не только частичной реабилитацией советского прошлого в начале 2000-х годов¹⁶ и превращением Великой Отечественной войны в «миф основания» путинской России¹⁷. С советским периодом связан жизненный опыт значительной части граждан, и память о нем надежно закреплена в доставшейся по наследству от СССР социально-культурной инфраструктуре.

¹⁵ Путин 2012.

¹⁶ Дубин 2011.

¹⁷ Копоsov 2011: 163—164.

Рисунок 2 Памятные речи президентов РФ, посвященные Великой Отечественной войне (2000–2018)

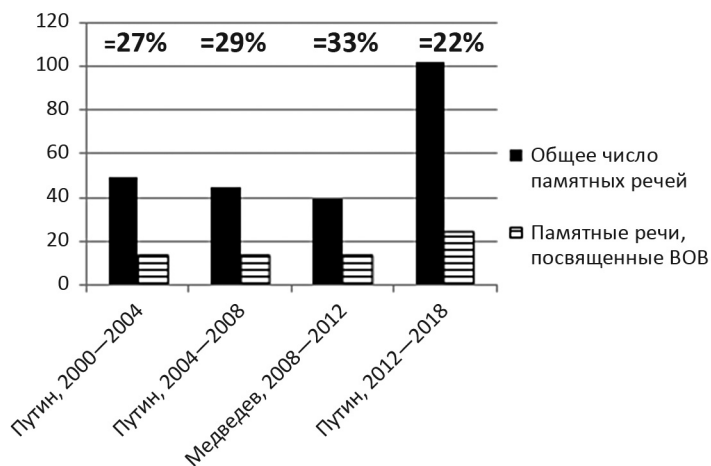
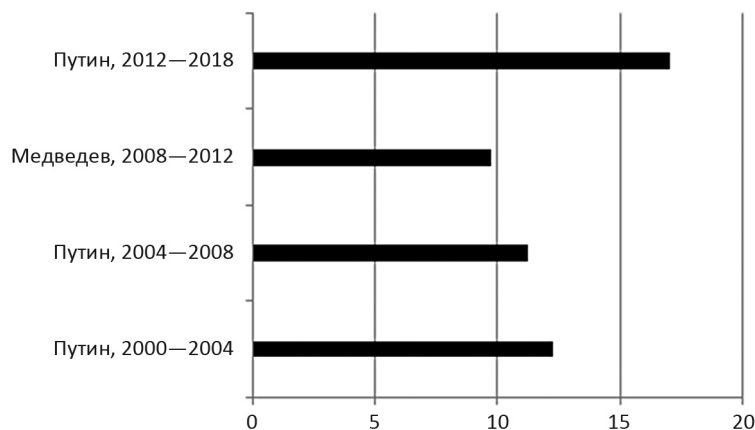

Рисунок 2 Среднее количество памятных речей в течение срока полномочий (2000–2018)

Доминирование советского периода в тематическом репертуаре памятных речей можно рассматривать не только как следствие идеологических предпочтений президента и его администрации (хотя связь здесь очевидна), но и как отражение некоторой инерционности в работе с символическими ресурсами прошлого.

Вторая тенденция, особенно очевидная при сравнении первых двух президентских сроков Путина, — это последовательное сокращение доли постсоветского прошлого в символическом репертуаре главы государства, обусловленное, наряду с прочим, и отказом от некоторых

поводов для коммеморации. С отменой праздника День Конституции удастаивается президентских речей лишь по круглым датам. Кроме того, в 2006—2007 гг. Путин не выступал с речами по случаю Дня России. В результате доля памятных речей, посвященных постсоветскому периоду, сократилась с 33% в его первую каденцию до 11% во вторую. Это можно объяснить изменением смысловой схемы официально-исторического нарратива. Если концепция новой России требовала коммеморации вех современного этапа (с чем большевики, впрочем, справлялись гораздо лучше Бориса Ельцина и его команды), то в логике тысячелетнего великого государства выбор «демократического вектора» служил слабой компенсацией «геополитической катастрофы» распада СССР. Правда, в дальнейшем доля памятных речей о постсоветском периоде несколько выросла — до 18% при Медведеве и 19% в третий срок Путина. Но произошло это в том числе и за счет событий путинского периода, таких как 10-летие вещания Russia Today, ежегодно отмечаемая годовщина воссоединения Крыма и Севастополя с Россией и т.п.

Третья тенденция связана с коммеморацией событий и фигур дореволюционной истории. Казалось бы, смысловая схема тысячелетней России требует переключения внимания с проблематичного и спорного советского периода на более отдаленное «славное» прошлое. Однако, как видно на рис. 1, до начала 2010-х годов этот период был слабо отражен в тематическом репертуаре памятных речей. С одной стороны, запас узнаваемых символов «тысячелетней истории», уже закрепленных в социально-культурной инфраструктуре, был невелик: в советское время память о дореволюционном прошлом поддерживалась весьма избирательно. Не случайно столь удобным для власти партнером в формировании такой инфраструктуры оказалась Русская православная церковь, располагающая более тщательно проработанной смысловой схемой для этого периода. Как известно, мегапроект тематических выставок, а затем исторических парков «Россия — моя история», которые справедливо считаются одним из инструментов государственной исторической политики, реализуется при поддержке Патриаршего совета по культуре¹⁸. С другой стороны, как уже отмечалось, нарратив о тысячелетней России отличается фрагментарностью. До недавнего времени властвующая элита предпочитала не ввязываться в споры о «трудных вопросах» национального прошлого, довольствуясь эксплуатацией его «славных страниц». В 2000-е годы единственной значимой, хотя и не слишком удачной¹⁹ символической инвестицией в нарратив о тысячелетней России был День национального единства, учрежденный вместо праздника, отмечавшего годовщину Октябрьской революции. Усилия по расширению актуализированного репертуара «тысячелетнего» прошлого стали особенно ощутимы в период третьего путинского срока, когда не только выросла до 33% доля таких памятных речей, но и заметно расширился репертуар коммеморируемых событий. Это можно считать результатом усиления идеологической активности государства — так называемого «консервативного поворота», в рамках которого историческая политика утвердилась в качестве одного из приоритетных направлений.

¹⁸ Laruelle 2018.

¹⁹ Ефремова 2012.

Более детальный анализ тематики памятных речей позволяет зафиксировать некоторые особенности выбираемых для них поводов (см. *табл. 1*). Обращает на себя внимание, что вторым по частоте после Великой Отечественной войны поводом оказываются годовщины учреждения органов государственной власти и иных государственных структур. Путин и Медведев выступали с речами по случаям 100-летия российского парламентаризма, юбилеев Совета безопасности, Конституционного и Верховного судов, 295-летия Российской прокуратуры, 200-летия образования в России Министерства экономики, не говоря уже о юбилеях силовых структур и родов войск, празднованиях Дня Военно-Морского флота РФ и т.п. Если добавить к этому ежегодные выступления в День защитника Отечества, становится ясно, что тематический репертуар памятных речей в полной мере отвечает главной идее официального нарратива, сосредоточенного на истории Российского государства. Поводы, связанные с отечественной культурой, занимают в этом списке куда более скромное место.

Таблица 1 Тематический репертуар памятных речей президентов РФ по предметам коммеморации (2000–2018)

	<i>Путин, 2000—2004</i>	<i>Путин, 2004—2008</i>	<i>Медведев, 2008—2012</i>	<i>Путин, 2012 — июнь 2018</i>	<i>Всего выступлений</i>
Великая Отечественная / Вторая мировая война	13	13	13	23	62
История органов государственной власти и силовых структур	9	4	2	16	31
День защитника Отечества	4	4	4	6	18
Память о героях / история побед	5	—	1	10	16
День России	4	2	4	5	15
Формирование территории страны	2	2	4	6	14
День народного единства	—	4	4	6	14
История отечественной культуры	1	5	—	6	12
Память о государственных деятелях	1	2	1	5	9
Религиозная история народов РФ	—	1	1	7	9
История освоения космоса	2	2	1	2	7
День Конституции	5	—	1	1	7
История государственных корпораций	1	2	—	1	4
Иные поводы	2	4	3	10	19
Всего	49	45	39	104	237

Характерную динамику можно заметить применительно к истории подвигов и военных побед (за рамками Великой Отечественной войны). В 2000-х годах речи, относящиеся к этой категории, произносились в основном в зарубежных поездках. Отражением новейшей тенденции к расширению репертуара актуализированного прошлого стали масштабные коммеморации 200-летия Бородинского сражения в 2012 г. и 100-летия начала Первой мировой войны в 2014 г. Формирование инфраструктуры памяти о Первой мировой позволяет предположить, что эта тема будет использоваться и впредь²⁰. Кроме того, с 2013 г. Путин выступает с речами на ежегодно устраиваемых приемах в День Героев Отечества (памятная дата в честь Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации, кавалеров ордена Святого Георгия и ордена Славы была установлена еще в 2007 г., но соответствующий ритуал начал складываться позже).

²⁰ Пахалюк 2017.

Особую категорию составляют даты, связанные с формированием территории Российского государства, — юбилеи вхождения в его состав нынешних республик, годовщины основания столичных городов. Эти мероприятия лоббировались региональными элитами; как правило, они способствовали привлечению дополнительных средств, да и сам факт приезда президента для участия в торжествах был существенным бонусом для региона. Очевидно и то, что в некоторых ситуациях участие президентов в юбилейных торжествах определяется не столько политикой памяти, сколько политическим весом корпораций: Путин и Медведев не раз принимали участие в праздновании круглых дат «Газпрома», Путин выступал с речами по случаям 80-летия плана ГОЭЛРО и 70-летия ДнепроГЭС, а также на Первом железнодорожном съезде (в честь 170-летия РЖД).

Наконец, можно отметить некоторый прирост в списке памятных речей в 2012—2018 гг. религиозной тематики. Мероприятия РПЦ (в меньшей степени — других конфессий) традиционно занимают заметное место в графике российских президентов, однако не всегда они связаны с историей. По стечению обстоятельств на протяжении третьего срока Путина соответствующих поводов было немало, что в свете «консервативного поворота» пришлось очень кстати.

Анализ тематического репертуара памятных речей российских президентов позволяет увидеть в решениях, относящихся к политике памяти, не только стратегический выбор, но и часть политической и административной рутины. Одно дело — заявить новую смысловую схему официального исторического нарратива (хотя и это потребовало времени²¹), другое — создать под нее символическую инфраструктуру. Поскольку поводы для памятных речей связаны с такой инфраструктурой, тематический репертуар этих речей отличается инерционностью. Лишь в период третьего президентского срока Путина, когда проблема дефицита «духовных скреп» оказалась в числе приоритетов, формирование инфраструктуры памяти, поддерживающей официальный нарратив о тысячелетней России, приобрело систематический характер. Однако это не означает, что все проблемы были решены.

²¹ О том, как происходила замена смысловой схемы в этой сфере, см. Малинова 2015: 161—164.

**Уточняя нарратив:
в поисках
смысловой формулы
коммеморации
столетия революций
1917 г. в России**

²² *Подробнее см.
Там же: гл. 2 и 3.*

Работа над нарративом тысячелетней России предполагает не только трансформацию существующей инфраструктуры памяти, но и реинтерпретацию событий, служивших узловыми элементами прежних конструкций. В советском нарративе роль таких элементов выполняли два события — Великая Октябрьская социалистическая революция и Великая Отечественная война. Во втором случае реинтерпретация происходила гладко и не вызывала особых конфликтов (по крайней мере, до недавнего времени). Но в первом получилось иначе: предложенная Ельциным оценка революции как катастрофы столкнулась с яростным сопротивлением «народно-патриотической оппозиции»²². Переименование праздника 7 ноября в День согласия и примирения (в 1996 г.) не разрядило конфликт, во-первых, потому, что ни одна из сторон не была настроена на поиск компромисса, а во-вторых, потому, что переименование не было подкреплено учреждением новых символических практик. С отменой праздника в декабре 2004 г. задача официальной реинтерпретации была снята с повестки, но не решена.

Поэтому столетний юбилей Октябрьской революции, который ввиду значимости события нельзя было не отметить, оказался чрезвычайно «неудобным» для российских властей. В логике тысячелетнего великого Российского государства революция(и) 1917 г. — скорее досадный срыв, нежели повод для национальной гордости. Для политического режима, который главным своим достижением считает стабильность, память о революции — символический ресурс, который можно использовать разве что по контрасту. Однако критику революции нельзя было сделать основной идеей официальной юбилейной коммеморации — не только потому, что это противоречит жанру, но и в силу того, что миф об Октябрьской революции, будучи одной из главных опор советской идентичности, остается значимым для немалой части россиян. Поскольку решение о формате коммеморации долго откладывалось, у политиков, так или иначе ответственных за проведение официальной политики памяти, была возможность высказать свои предложения, в том числе публично. Это позволяет не только убедиться в наличии некоторого разномыслия внутри данной группы, но и проследить за выработкой решения.

Дискуссии о революции возобновились ввиду приближения другого юбилея — начала Первой мировой войны. 4 июля 2012 г. вопрос о его коммеморации был поднят на встрече Путина с членами Совета Федерации. Горячо поддержав данную инициативу, Путин по видимости экспромтом стал объяснять, почему эта война оказалась «забытой». По его версии, это произошло «не потому, что ее обозвали империалистической», а потому, что «тогдашнее руководство страны» предпочитало не вспоминать о собственном «национальном предательстве», определившем ее исход для России²³. Очевидно, что при такой постановке вопроса Октябрьская революция вряд ли может рассматриваться как великое событие, которым следует гордиться, — скорее это момент трагического срыва, исправленный последующим ходом истории.

²³ *Путин 2012а.*

Продолжение дискуссии последовало в связи с подготовкой Концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории, инициированной Путиным в феврале 2013 г. В ходе дискуссий рабочей группы по ее созданию родился новый вариант определения событий 1917 г. — Великая российская революция 1917—1921 гг.²⁴ По аналогии с Французской революцией авторы Концепции решили представить Российскую революцию как сложный процесс, запущенный свержением самодержавия в феврале 1917 г. и закончившийся Гражданской войной. Формула, предложенная разработчиками Концепции, подчеркивала всемирно-исторический характер Великой российской революции и «начавшегося в октябре 1917 г. „советского эксперимента“» как событий, оказавших сильнейшее влияние на общемировые процессы²⁵. Вместе с тем она отдавала должное трагической стороне революции, обернувшейся «катастрофическими... людскими потерями», ростом детской беспризорности и распадом государства²⁶. Хотя новое определение событий 1917—1921 гг. вызвало очередную волну споров, в какой-то момент казалось, что именно эта формула будет положена в основу программы юбилейных мероприятий. С одной стороны, она в полностью отвечала духу апологетической эклектики, характерной для путинской политики памяти: исторические эпизоды, имевшие кардинально разное общественно-политическое значение, были собраны в единую смысловую конструкцию, подчеркивавшую и трагическую, и всемирно-историческую составляющую Великой российской революции. С другой стороны, она в какой-то мере позволяла решать задачи «проработки трудного прошлого» (даже если и не ставила их во главу угла). В силу этого данная формулировка теоретически могла вписаться в широкий спектр идеологических конструкций, представленных на современном рынке идей.

²⁴ *Концепция 2013: 40.*

²⁵ *Там же: 39.*

²⁶ *Там же.*

Однако набор предложений относительно официальной формулы коммеморации этим не ограничился. В борьбу за ее определение включилась «тяжелая артиллерия» в лице министра культуры РФ Владимира Мединского и министра иностранных дел РФ Сергея Лаврова. Первый выдвинул Платформу национального примирения, которую представил в мае 2015 г. на круглом столе «100 лет Великой российской революции: осмысление во имя консолидации», организованном Российским военно-историческим обществом (РВИО) в Музее современной истории России. Формула Мединского подчеркивала «живую преемственность в развитии страны от Российской империи к Советскому Союзу и далее — к Российской Федерации». Указывая на недопустимость «войны с памятью», министр культуры призывал не углубляться в исторические оценки, а просто «проявить уважение к памяти героев обеих сторон („красных“ и „белых“)». Правда, сам он не удержался от оценок, заявив, что «искренне отстаивавшими свои идеалы» красными и белыми «двигал патриотизм» и потому «герои» «невинновны в массовых репрессиях и военных преступлениях». По сути, предложение Мединского сводилось к примирению за счет отказа от критической

проработки прошлого. Революцию предлагалось вписать в апологетический национальный нарратив как трагическое столкновение не пришедших к согласию патриотов. Закреплением этой патриотически-примирительной формулы юбилея должен был стать памятник примирения в «вернувшемся в родную гавань» Крыму — «там, где закончилась гражданская война»²⁷.

²⁷ *Мединский 2015. Это предложение вошло в план мероприятий, однако реализовано не было (см. Малинова 2018a).*

Несколько иная версия того же нарратива продвигалась в статье Лаврова «Историческая перспектива внешней политики России», опубликованной в марте 2016 г. Опираясь на хронологическую рамку, обозначенную авторами Концепции 2013 г., Лавров попытался вписать «революцию 1917 г. и Гражданскую войну» в общемировой контекст: назвав их «тяжелейшей трагедией для нашего народа», он подчеркнул, что «трагедиями были и все другие революции». Министр иностранных дел высказывал опасение, что предстоящий юбилей «может быть использован для новых информационных атак на Россию», представляющих революцию «в виде какого-то варварского переворота, чуть ли не столкнувшего под откос европейскую историю». Возражая против возможных нападок, он писал о «неоднозначном и многоплановом» воздействии революции 1917 г. на мировую историю и характеризовал ее как «своего рода эксперимент по реализации на практике социалистических идей, имевших тогда широчайшее распространение в Европе». Хотя в этой версии не было рассуждений о патриотизме красных и белых, во главу угла в ней тоже была поставлена непрерывность российской истории. Говоря о невозможности «вымарать какие-то периоды» нашей истории, Лавров тем не менее в духе апологетического подхода призывал сосредоточиться на «позитивных традициях»²⁸.

²⁸ *Лавров 2016.*

Таким образом, в преддверии юбилейного года было как минимум три (а на самом деле, с учетом путинской версии «национал-предательства», даже четыре) варианта смысловой формулы коммеморации: 1) Великая российская революция как сложный процесс, требующий взвешенной оценки; 2) революция 1917 г. и гражданская война как неотъемлемые части мировой и непрерывной российской истории, 3) примирение на почве признания патриотизма как красных, так и белых.

В конечном счете выбор был сделан в пользу третьего варианта, но не без влияния первого. Основной темой коммеморации было решено сделать идею «примирения и согласия» потомков красных и белых. Согласно формулировке, прозвучавшей в послании Путина Федеральному Собранию в 2016 г., «уроки истории нужны нам прежде всего для *примирения*, для укрепления общественного, политического, гражданского *согласия*, которого нам удалось сегодня достичь (выделено мной — О.М.)»²⁹.

²⁹ *Путин 2016.*

Распоряжение о подготовке и проведении мероприятий, посвященных 100-летию революции 1917 г. в России, было подписано президентом лишь в декабре 2016 г., менее чем за два месяца до юбилея Февраля и примерно за 11 месяцев до юбилея Октября. Будучи весьма лаконичным, этот документ содержал ряд важных символических решений.

Во-первых, подлежащее коммеморации событие было названо «революция 1917 г. в России». На фоне других вариантов — «великая», «русская», «российская», «социалистическая» и др., — этот выбор выглядит нарочито нейтральным, однако он недвусмысленно отказывает революции в «величии». Другими словами, вариант, предложенный Лавровым, не прошел. Во-вторых, Февральская и Октябрьская революции объединены в одно событие — в этой части был взят на вооружение вариант авторов Концепции. Вместе с тем хронологические рамки коммеморации ограничивались событиями 1917 г., то есть идея «Великой российской революции», предполагавшая четырехлетнюю программу коммеморации, была поддержана не в полном объеме. В-третьих, участие государства было сведено к выделению ресурсов. Непосредственно подготовкой и проведением юбилейных мероприятий должен был заниматься организационный комитет, который рекомендовалось создать Российскому историческому обществу (РИО)³⁰. Таким образом, хотя в основу принятой формулы легло предложение Мединского, возглавляемое им РВИО участвовало в организации коммеморации «на правах сотрудничества». С одной стороны, это соответствовало профилям двух исторических обществ³¹, с другой — может быть интерпретировано как стремление поддержать между ними баланс.

³⁰ *Распоряжение*
2016.

³¹ *См. Лапин 2019.*

Рассмотренный случай и типичен, и нетипичен. Очевидно, что спор приобрел публичный характер не только по причине отсутствия согласия относительно интерпретации коммеморируемого события, но и в силу его значимости. «Великий Октябрь» был «мифом основания» Советской России, и потому этот случай, безусловно, эксклюзивен. Однако в отечественной истории есть немало эпизодов, вписывание которых в официальный нарратив сталкивается с аналогичными проблемами. Как верно заметила Марлен Ларюэль, официальная историческая политика в России «сосредоточена главным образом на кристаллизации памяти о Второй мировой войне» и допускает куда больший плюрализм в «интерпретации моментов национальной истории, менее критичных для легитимации режима»³². С учетом этого можно предположить, что характерный для этого кейса алгоритм — представители власти публично артикулируют свои идеи, но лишь до того, как администрация президента подготовит компромиссное решение, — работает и в других ситуациях, когда память не подвергается секьюритизации. Впрочем, это предположение требует проверки.

³² *Laruelle 2018:*
265.

**Диалоги
с властью:
анализ встреч
президентов
с историками**

В конечном счете формирование национального исторического нарратива — дело историков. Хотя политики, безусловно, выполняют свою часть работы: они не только апеллируют к прошлому, участвуя в его интерпретации, но и распоряжаются ресурсами, необходимыми для создания инфраструктуры коллективной памяти. Не все взаимодействия этих групп можно проследить: все-таки основным каналом коммуникации между учеными и политиками остаются книги. Тем не

менее портал «Президент России» содержит любопытный материал для анализа. Встречи с представителями различных общественных и профессиональных групп занимают заметное место в рабочем графике главы российского государства, и их стенограммы целиком или частично публикуются на официальном сайте (в СМИ они освещаются преимущественно в виде кратких отчетов). Подобные мероприятия, с одной стороны, служат для выражения официальных установок, а с другой — дают «общественности» (в лице приглашенных) возможность донести до власти свою озабоченность конкретными проблемами. Тем самым имеет место двусторонний, хотя и асимметричный обмен информацией лицом к лицу.

Президенты РФ не раз проводили такого рода мероприятия с представителями «исторической общественности»: в 2003 г. Путин встречался с учеными-историками в Российской государственной библиотеке, в 2007 г. он общался с делегатами Всероссийской конференции преподавателей гуманитарных и общественных наук в Ново-Огарево, в 2011 г. Медведев провел встречу с учеными-историками во Владимире, в 2013 г. Путин беседовал с участниками учредительного съезда РВИО, в 2014 г. он последовательно встречался с авторами концепции нового учебника истории, руководителями краеведческих музеев и молодыми учеными и преподавателями истории, в 2016 г. — с участниками Общероссийского исторического собрания. В ходе этих встреч затрагивались темы школьных учебников, патриотического воспитания, качества массовой исторической литературы и другие немаловажные для политики памяти предметы.

С учетом цели настоящей статьи, анализируя стенограммы этих встреч, я сосредоточусь на трех моментах: (1) как менялись установки власти на разных этапах диалога; (2) какие сюжеты национального исторического нарратива обсуждались и как; (3) какие идеи пытались подсказать власти историки.

В рамках рассматриваемых диалогов и Путин, и Медведев не раз подчеркивали, что нынешняя власть, в отличие от советской, уважает объективность и независимость исторической науки³³. Очевидно, что обоим президентам было важно отметить параллели с «Кратким курсом истории ВКП(б)» и другими советскими практиками. Однако это не мешало им использовать встречи с представителями профессионального сообщества для постановки вполне конкретных идеологических задач. Эти задачи менялись в зависимости от политического контекста. В 2007 г. Путин в духе теории «суверенной демократии» говорил историкам о важности мировоззрения, которое позволило бы России «достаточно ярко показать свою идентичность в мире, завоевать позиции в мире»³⁴. Тогда это формулировалось как установка для гражданского общества. Путин подчеркнуто дистанцировался от предложения одного из участников встречи «вернуть государство» в «заповедник» отечественной истории, заявив, что «наша страна — это все-таки живая, естественная среда обитания, в которой... должны быть установлены...

³³ См. также Edele 2017: 98-104.

³⁴ Стенографический отчет 2007. Встреча проводилась в тот самый день, когда был подписан указ о создании Фонда «Русский мир».

³⁵ Там же. определенные правила, выработанные самим обществом»³⁵. Еще более либеральный характер носила встреча, проведенная в 2011 г. Медведевым. Заявленной целью мероприятия был поиск «модели соприкосновения, которая будет полезна и для государства, и для науки», хотя очевидно, что президенту важно было получить подтверждение правильности уже принятого решения о праздновании в 2012 г. 1150-летия основания Российского государства. Впрочем, Медведев тоже упоминал о важности «точек консенсуса», которые нужны «как магистральная дорога, по которой развивается нация», и отмечал, что «уход с этих позиций чреват иногда очень плохими последствиями, причем не научными — это полбеды, — а вполне практическими»³⁶.

³⁶ Встреча с учеными-историками 2011.

Тон диалога заметно изменился в 2014 г., когда Путин уже напрямую стал указывать молодым историкам на темы, в разработке которых государство заинтересовано, подчеркивая, со ссылкой на опыт большевиков, что «защита собственных взглядов и интересов должна быть основательной, талантливо исполненной»³⁷. Чуть раньше, на встрече с авторами концепции нового учебника истории, он честно признал причину нынешнего «накала страстей» вокруг истории: «...От этих оценок в значительной степени зависит то, как общество относится к тому, что мы делаем сегодня»³⁸. Таким образом, следуя общей логике политического процесса, задачи, которые президенты ставили перед «исторической общественностью», эволюционировали от конструирования идентичности, способной подкрепить позиции России в мире, к легитимации действующего режима и сопротивлению попыткам «перекодировать общество» и переписать историю «под чьи-то геополитические интересы»³⁹.

³⁷ Встреча с молодыми учеными 2014.

³⁸ Встреча с авторами концепции 2014.

³⁹ Встреча с молодыми учеными 2014.

Но содержание рассматриваемых встреч не исчерпывалось трансляцией общих установок. Существенное место занимало обсуждение конкретных эпизодов национального исторического прошлого, причем иногда Путин и Медведев высказывали собственные оценки, а иногда — интересовались мнением специалистов. Так, в 2011 г. Медведев расспрашивал аудиторию об отношении современных историков к норманнской теории и остался удовлетворен версией, согласно которой Рюрика пригласили для поддержания порядка и мира между полиэтническими племенами. В конце встречи он специально подчеркнул важность вывода о том, что «наше государство изначально... развивалось не как моноэтническое, а как полиэтническое»⁴⁰. В 2014 г. Путин вновь поднял эту тему, обсуждая выставку «Рюриковичи». Он упрекнул организаторов за приверженность той версии, что «государственность пришла извне», и напомнил о другой, по которой иностранная дружина была нанята просто как «охранная структура»⁴¹. По-видимому, в отличие от Медведева, Путина занимала не столько позиция современной науки, сколько идеологическая «правильность» интерпретации.

⁴⁰ Встреча с учеными-историками 2011.

⁴¹ Встреча с молодыми учеными 2014.

На встречах президентов с историками затрагивались и другие сюжеты — Первая мировая война и коммеморация столетия революции 1917 г., финская война 1939 г., мюнхенский сговор и пакт Молотова —

⁴² *Анализ эволюции позиции Путина по данному вопросу см. Edele 2017: 103—104.*

⁴³ *Встреча с молодыми учеными 2014.*

Риббентропа⁴², и т.д. В 2014 г., общаясь с молодыми историками, Путин объяснил особое значение Крыма для России тем, что «изначально первичная купель крещения России — там», в Херсонесе. «По сути, русский народ много веков борется за то, чтобы твердой ногой встать у своей исторической духовной купели», — заключил он⁴³. Но, конечно, сквозной для всех встреч темой была Вторая мировая / Великая Отечественная война, фальсификации истории которой особенно беспокоили обоих президентов. Надо признать, что при обсуждении этих и других эпизодов прошлого они чаще выступали в роли ораторов, нежели слушателей. Поскольку мало кто из приглашенных осмеливался возражать, получалось, что своим присутствием на мероприятии профессионалы легитимировали мнение, высказываемое президентом. Впрочем, у историков была возможность обогатить дискуссию суждениями, отражающими современное состояние исследований. По стенограммам видно, что многое из того, что было сказано на этих встречах, оказалось взято на заметку.

Историки делились с президентами не только новостями своей науки, но и некоторыми практическими соображениями. Выражая собственные убеждения или артикулируя то, что «властям» хотелось бы услышать, некоторые участники встреч призывали государство занять более жесткую охранительную позицию в отношении «беспредельного» плюрализма на рынке исторической литературы. Многие предлагали упорядочить ситуацию с учебниками; как видно из стенограмм, эта идея высказывалась представителями профессионального сообщества задолго до того, как Путин в 2013 г. поставил ее на повестку дня. С подачи общественности возникла и идея создания ассоциации историков под эгидой главы государства: академик Валерий Тишков выступил с таким предложением на встрече с Медведевым в 2011 г., и президент отнесся к нему исключительно благосклонно⁴⁴. Правда, жизнь внесла коррективы в реализацию этой идеи: РИО было «возобновлено» в 2012 г., после переизбрания Путина, но его руководителем стал не президент, а Сергей Нарышкин, на тот момент — председатель Государственной Думы. В том же году указом президента было создано РВИО под председательством министра культуры Мединского. В дальнейшем члены этих ассоциаций неизменно приглашались на встречи президента с историками. Тем самым профессиональная общественность приобрела вполне удобное для власти институциональное оформление.

Было воплощено и другое предложение Тишкова, сделанное на той же встрече: 2012 г. был объявлен Годом российской истории. В рамках этой программы Путин выступал на торжествах в честь 200-летия Бородинского сражения, однако в торжествах в Великом Новгороде по случаю 1150-летия зарождения Российской государственности он не участвовал. Не удалось реализовать и предложение историков пригласить к участию в программе представителей Украины и Белоруссии: формулировка, выбранная Медведевым еще до того,

⁴⁴ *Встреча с учеными-историками 2011.*

как он решил проконсультироваться с профессиональным сообществом, оказалась для них неприемлемой.

Нельзя не заметить, что историки пытались использовать встречи с президентами и для решения насущных проблем своего «цеха». Они ставили вопросы о регламентации археологических исследований и внесении археологии в номенклатуру специальностей высшего образования, об открытии трофейных архивов, о защите исторического наследия, о федеральной целевой программе по краеведению, о сокращении финансирования РГНФ и неадекватности оценок эффективности научной деятельности по наукометрическим показателям. Реакция на эти предложения во многом зависела от их финансовой и организационной затратности.

В целом, встречи с «исторической общественностью» можно трактовать как одну из форм работы над официальным историческим нарративом. Диалог власти с представителями профессионального сообщества, несомненно, носит асимметричный характер. Власть не только задает повестку этих встреч, но и использует их для продвижения собственных «теорий». В конечном счете оценки исторических событий и фигур, высказанные президентом в присутствии специалистов, обретают дополнительную легитимность. Несмотря на то что у участников подобных мероприятий есть возможность довести до президента ту или иную информацию и внести свои предложения, формат таких встреч едва ли позволяет всерьез оспаривать его точку зрения. Так что речь в данном случае идет скорее об апробации официального нарратива, нежели о полноценном сотрудничестве в его разработке.

* * *

Практики взаимодействия мнемонических акторов, связанные с формированием официального исторического нарратива, безусловно, не исчерпываются рассмотренными случаями. И все же проведенный анализ позволяет сделать по крайней мере три вывода. Во-первых, то, что нередко представляется монолитной официальной точкой зрения, в действительности является результатом межведомственных и внутриведомственных взаимодействий, которыми не всегда можно пренебречь. За рамками ключевой для современного российского режима темы Великой Отечественной войны у лиц, по должности участвующих в артикуляции официального нарратива, нет единства мнений. Во-вторых, в последние годы властвующая элита демонстрирует редкую целеустремленность в работе над репертуаром актуализированного прошлого, что способствует постепенному насыщению нарратива о тысячелетней России узнаваемыми символами и образами. Эту тенденцию хорошо иллюстрирует диверсификация тематики памятных речей президента. В-третьих, складываются устойчивые практики взаимодействия государства и исторического истеблишмента в работе над официальным нарративом. Однако, поскольку эти выводы базируются на изучении ограниченного числа случаев, для их верификации нужны дополнительные исследования.

Библиография

- Встреча с авторами концепции нового учебника истории.* (2014) URL: <http://www.kremlin.ru/news/20071> (проверено 12.06.2019).
- Встреча с молодыми учеными и преподавателями истории.* (2014) URL: <http://www.kremlin.ru/news/46951> (проверено 12.06.2019).
- Встреча с учеными-историками.* (2011) 22.07. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/12073> (проверено 12.06.2019).
- Дубин Б. (2011) «Символы возврата вместо символов перемен» // *Pro et contra*, № 5: 6–22.
- Ефремова В.Н. (2012) «День народного единства: изобретение праздника» // *Символическая политика*. Вып. 1. М.: ИНИОН: 286–300.
- Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории.* (2013) URL: <http://www.kommersant.ru/docs/2013/standart.pdf> (проверено 12.06.2019).
- Копосов Н.Е. (2011) *Память строгого режима: История и политика в России*. М.: Новое литературное обозрение.
- Лавров С. (2016) «Историческая перспектива внешней политики России» // *Россия в глобальной политике*, № 2: 8–20. URL: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Istoricheskaya-perspektiva-vneshnei-politiki-Rossii-18017> (проверено 12.06.2019).
- Лапин В.В. (2019) «Российское историческое общество (РИО) и Российское военно-историческое общество (РВИО) как инструменты исторической политики первой четверти XXI века» // Миллер А.И. и Д.В.Ефременко, ред. *Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы: институты, акторы, нарративы*. СПб.: Изд-во Европейского университета (в печати).
- Малинова О.Ю. (2015) *Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности*. М.: Политическая энциклопедия.
- Малинова О.Ю. (2018a) «Коммеморация столетия революции(й) 1917 года в РФ: анализ стратегий ключевых мнемонических акторов» // *Полис. Политические исследования*, № 1: 9–25.
- Малинова О.Ю. (2018b) «Коммеморация столетия революции(й) 1917 года в РФ: сравнительный анализ соперничающих нарративов» // *Полис. Политические исследования*, № 2: 37–56.
- Мединский В.Р. (2017) *Документ дня: Платформа национального примирения России*. URL: <https://lenta.ru/articles/2015/05/20/medinskyvoice/> (проверено 12.06.2019).
- Миллер А.И. и Д.В.Ефременко, ред. (2019) *Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы: институты, акторы, нарративы*. СПб.: Изд-во Европейского университета (в печати).
- Пахалюк К.А. (2017) «Первая мировая война и память о ней в современной России» // *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*, № 111 (1): 106–128.
- Путин В.В. (2012a) *Ответы на вопросы членов Совета Федерации*. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/15781> (проверено 12.06.2019).

Путин В.В. (2012b) *Послание Президента Федеральному Собранию*. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/17118> (проверено 12.06.2019).

Путин В.В. (2016) *Послание Президента Федеральному Собранию*. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/53379> (проверено 12.06.2019).

Распоряжение о подготовке и проведении мероприятий, посвященных 100-летию революции 1917 года в России. (2016) URL: <http://kremlin.ru/acts/news/53503> (проверено 12.06.2019).

Стенографический отчет о встрече с делегатами Всероссийской конференции преподавателей гуманитарных и общественных наук. (2007) URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24359> (проверено 12.06.2019).

Art D. (2006) *The Politics of the Nazi Past in Germany and Austria*. Cambridge: Cambridge University Press.

Bell D.S.A. (2003) «Mythscapes: Memory, Mythology, and National Identity» // *British Journal of Sociology*, vol. 54, no. 1: 63—81.

Bernhard M. and J.Kubik, eds. (2014) *Twenty Years after Communism: The Politics of Memory and Commemoration*. Oxford: Oxford University Press.

Edele M. (2017) «Fighting Russia's History Wars: Vladimir Putin and the Codification of World War II» // *History & Memory*, vol. 29, no. 2: 90—124.

Kalinin I. (2011) «Nostalgic Modernization: the Soviet Past as „Historical Horizon“» // *Slavonica*, vol. 17, no. 2: 156—166.

Laruelle M. (2017) «Putin's Regime and the Ideological Market: A Difficult Balancing Game» // *Carnegie Endowment for International Peace*, 16.03. URL: <https://carnegieendowment.org/2017/03/16/putin-s-regime-and-ideological-market-difficult-balancing-game-pub-68250> (assessed 12.06.2019).

Laruelle M. (2018) «Commemorating 1817 in Russia: Ambivalent State History Policy and the Church's Conquest of the History Market» // *Europe-Asia Studies*, vol. 71, no. 2: 249—267.

Mink G. and L.Neumayer, eds. (2013) *History, Memory and Politics in Central and Eastern Europe: Memory Games*. Basingstoke etc.: Palgrave Macmillan.

Papkova I. (2011) *The Orthodox Church and Russian Politics*. New York: Oxford University Press.

Rumelili B. (2018) «Breaking with Europe's Pasts: Memory, Reconciliation, and Ontological (In)Security» // *European Security*, vol. 27, no. 3: 280—295.

Sherlock T. (2016) «Russian Politics and the Soviet Past: Reassessing Stalin and Stalinism under Vladimir Putin» // *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 49, no. 1: 45—59.

Smith K.E. (2002) *Mythmaking in the New Russia: Politics and Memory during the Yeltsin Era*. Ithaca, London: Cornell University Press.

Torbakov I. (2014) «The Russian Orthodox Church and Contestations over History in Contemporary Russia» // *Demokratizatsiya*, vol. 22, no. 1: 145—170.

Wodak R. and R.de Cillia. (2007) «Commemorating the Past: The Discursive Construction of Official Narratives about „Rebirth of Second Austrian Republic“» // *Discourse & Communication*, vol. 1, no. 3: 337—336.

Zimmermann M. (2018) «Never Again! Remembering October 2017 in the Contemporary Russian Orthodox Church» // *Scando-Slavica*, vol. 64, no. 1: 95—106.

O.Yu.Malinova
**WHO FORMS
 OFFICIAL HISTORICAL NARRATIVE
 AND HOW?
 ANALYSIS OF RUSSIAN PRACTICES**

Olga Y. Malinova — Doctor of Philosophy; Professor at the Department of Political Science, Faculty of Social Sciences, National Research University *Higher School of Economics*; Chief Researcher at the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. Email: omalinova@mail.ru.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the practice of forming and articulating the official historical narrative in contemporary Russia on the basis of three cases that make it possible to trace the interactions between various groups involved in constructing the narrative. The study of the thematic repertoire of the commemorative speeches allows to trace in the speeches of the head of state the result of the collective work of the Presidential Administration. The author shows that the formation of the memory infrastructure supporting the official narrative of the thousand-year Russia became more or less systematic only under Putin’s third presidential term. The 100th anniversary of the Russian Revolution of 1917 provides an interesting platform for studying the discussions within the ruling elite. The analysis of the preparation process for the commemoration reveals a certain competition of opinions at the decision-making stage and the Presidential Administration’s desire to balance them. Given the weak consistency of the official historical narrative, this pattern might be typical for the events, the interpretation of which has not taken shape and/or is not subject to securitization. The transcripts of the meetings of Presidents Putin and Medvedev with the “historical community” — scientists and teachers — give an idea of the nature of the interaction between the authorities and the academic community. The study of these transcripts indicates

that the recent years witnessed the development of stable practices of interaction between the state and the historical establishment about the official narrative.

Keywords: politics of memory, mnemonic actor, official historical narrative, commemorative speeches, commemoration, professional community

References

- Art D. (2006) *The Politics of the Nazi Past in Germany and Austria*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bell D.S.A. (2003) “Mythscapes: Memory, Mythology, and National Identity” // *British Journal of Sociology*, vol. 54, no. 1: 63–81.
- Bernhard M. and J.Kubik, eds. (2014) *Twenty Years after Communism: The Politics of Memory and Commemoration*. Oxford: Oxford University Press.
- Dubin B. (2011) “Simvolj vozvrata vmesto simbolov peremen” [The Symbols of Returning instead of the Symbols of Change] // *Pro et Contra*, no. 5: 6–22. (In Russ.)
- Edele M. (2017) “Fighting Russia’s History Wars: Vladimir Putin and the Codification of World War II” // *History & Memory*, vol. 29, no. 2: 90–124.
- Efremova V.N. (2012) “Den’ narodnogo edinstva: izobretenie prazdnika” [The National Unity Day: Inventing the Holiday] // *Simvolicheskaja politika* [Symbolic Politics]. Issue 1. Moscow: INION: 286–300. (In Russ.)
- Kalinin I. (2011) “Nostalgic Modernization: the Soviet Past as „Historical Horizon“” // *Slavonica*, vol. 17, no. 2: 156–166.
- Kontseptsija novogo uchebno-metodicheskogo kompleksa po otechestvennoj istorii* [Conception of a New Educational and Methodological Complex on Russian History]. (2013) URL: <http://www.kommersant.ru/docs/2013/standart.pdf> (assessed 12.06.2019). (In Russ.)
- Koposov N.E. (2011) *Pamjat’ strogogo rezhima: Istoria i politika v Rossii* [Memory of the Strict Regime: History and Politics in Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
- Lapin V.V. (2019) “Rossijskoe istoricheskoe obshchestvo (RIO) i Rossijskoe voenno-istoricheskoe obshchestvo (RVIO) kak instrumenty istoricheskoi politiki pervoj chetverti 21 veka” [The Russian Historical Society and the Russian Military Historical Society as Instruments of the Historical Politics in the First Quarter of the 21st Century] // Miller A.I. and D.V.Efremenko, eds. *Politika pamjati v sovremennoj Rossi i stranakh Vostochnoj Evropy: instituty, aktory, narrativy* [Politics of Memory in Contemporary Russia and Eastern Europe: Institutions, Actors, Narratives]. St Petersburg: Izd-vo Evropejskogo universiteta (forthcoming). (In Russ.)
- Laruelle M. (2017) “Putin’s Regime and the Ideological Market: A Difficult Balancing Game” // *Carnegie Endowment for International Peace*, 16.03. URL: <https://carnegieendowment.org/2017/03/16/putin-s-regime-and-ideological-market-difficult-balancing-game-pub-68250> (assessed 12.06.2019).

Laruelle M. (2018) “Commemorating 1817 in Russia: Ambivalent State History Policy and the Church’s Conquest of the History Market” // *Europe-Asia Studies*, vol. 71, no. 2: 249–267.

Lavrov S. (2016) “Istoricheskaja perspektiva vneshnej politiki Rossii” [Russia’s Foreign Policy in a Historical Perspective] // *Rossija v global’noj politike* [Russia in Global Affairs], no. 2: 8–20. URL: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Istoricheskaja-perspektiva-vneshnei-politiki-Rossii-18017> (assessed 12.06.2019). (In Russ.)

Malinova O. (2015) *Aktual’noe proshloe: Simvolicheskaja politika vlastvujushchej elity i dilemmy rossijskoj identichnosti* [The Usable Past: The Symbolic Politics of Ruling Elite and Dilemmas of Russian Identity]. Moscow: Politicheskaja entsiklopedija. (In Russ.)

Malinova O. (2018a) “Kommemoratsija stoletija revoliutsii(j) 1917 goda v Rossii: analiz strategij kljutchevykh mnemonicheskikh aktorov” [The Commemoration in Russia of the Centenary of the 1917 Revolution(s): Analysis of Strategies of the Key Mnemonic Actors] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 1: 9–25. (In Russ.)

Malinova O. (2018a) “Kommemoratsija stoletija revoliutsii(j) 1917 goda v Rossii: sravnitel’nyj analiz sopernichajushchikh narrativov” [The Commemoration in Russia of the Centenary of the 1917 Revolution(s): Comparative Analysis of Rival Narratives] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 2: 37–56. (In Russ.)

Medinsky V.R. (2017) *Dokument dnja: Platforma natsional’nogo primirenja Rossii* [The Document of the Day: The Platform for the National Reconciliation in Russia]. URL: <https://lenta.ru/articles/2015/05/20/medinskyvoice/> (assessed 12.06.2019). (In Russ.)

Miller A.I. and D.V.Efremenko, eds. (2019) *Politika pamjati v sovremennoj Rossi i stranakh Vostochnoj Evropy: instituty, aktory, narrativy* [Politics of Memory in Contemporary Russia and Eastern Europe: Institutions, Actors, Narratives]. St Petersburg: Izd-vo Evropejskogo universiteta (forthcoming). (In Russ.)

Mink G. and L.Neumayer, eds. (2013) *History, Memory and Politics in Central and Eastern Europe: Memory Games*. Basingstoke etc.: Palgrave Macmillan.

Pakhalyuk K.A. (2017) “Pervaja mirovaja vojna i pamjat’ o nej v sovremennoj Rossii» [The World War I and Memory of It in Contemporary Russia] // *Neprikosnovennyj zapas. Debaty o politike i kul’ture* [NZ: Debates on Politics and Culture], no. 111 (1): 106–128. (In Russ.)

Papkova I. (2011) *The Orthodox Church and Russian Politics*. New York: Oxford University Press.

Putin V.V. (2012a) *Otvety na voprosy chlenov Soveta Federatsii* [Answers to the Questions of the Soviet of Federation Members]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/15781> (assessed 12.06.2019). (In Russ.)

Putin V.V. (2012b) *Poslanie Prezidenta Federal’nomy Sobraniju* [Address to the Federal Assembly]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/17118> (assessed 12.06.2019). (In Russ.)

Putin V.V. (2016) *Poslanie Prezidenta Federal'nomy Sobraniju* [Address to the Federal Assembly]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/53379> (assessed 12.06.2019). (In Russ.)

Rasporjazhenie o podgotovke i provedenii meroprijatij posvjashchen-nykh 100-letiju revoljutsii 1917 goda v Rossii [Instruction on Preparing and Holding Events to Mark the 100th Anniversary of the 1917 Revolution in Russia]. (2016) URL: <http://kremlin.ru/acts/news/53503> (assessed 12.06.2019). (In Russ.)

Rumelili B. (2018) “Breaking with Europe’s Pasts: Memory, Reconciliation, and Ontological (In)Security” // *European Security*, vol. 27, no. 3: 280—295.

Sherlock T. (2016) “Russian Politics and the Soviet Past: Reassessing Stalin and Stalinism under Vladimir Putin” // *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 49, no. 1: 45—59.

Smith K.E. (2002) *Mythmaking in the New Russia: Politics and Memory during the Yeltsin Era*. Ithaca, London: Cornell University Press.

Stenograficheskiy otchet o vstreche s delegatami Vserossijskoj konferentsii prepodavatelej gumanitarnykh i obshchestvennykh nauk [Transcript of Meeting with Participants in the National Russian Conference of Humanities and Social Sciences Teachers]. (2007) URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24359> (assessed 12.06.2019). (In Russ.)

Torbakov I. (2014) “The Russian Orthodox Church and Contestations over History in Contemporary Russia” // *Demokratizatsiya*, vol. 22, no. 1: 145—170.

Vstrecha s avtorami kontseptsii novogo uchebnika istorii [Meeting with Designers of a New Concept for a School Textbook on Russian History]. (2014) URL: <http://www.kremlin.ru/news/20071> (assessed 12.06.2019). (In Russ.)

Vstrecha s molodymi uchenymi i prepodavateljamu istorii [Meeting with Young Academics and History Teachers]. (2014) URL: <http://www.kremlin.ru/news/46951> (assessed 12.06.2019). (In Russ.)

Vstrecha s uchenymi-istorikami [Meeting with Historians]. (2011) URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/12073> (assessed 12.06.2019). (In Russ.)

Wodak R. and R.de Cillia. (2007) “Commemorating the Past: The Discursive Construction of Official Narratives about „Rebirth of Second Austrian Republic“” // *Discourse & Communication*, vol. 1, no. 3: 337—336.

Zimmermann M. (2018) “Never Again! Remembering October 2017 in the Contemporary Russian Orthodox Church” // *Scando-Slavica*, vol. 64, no. 1: 95—106.